

Наши интервью

«ИЩУ СВОЕГО Г Е Р О Я»

ТАК ПОЛУЧИЛОСЬ, что наш разговор с народным артистом РСФСР Андреем Мироновым начался не с обычного «зачина — биография», а с самого главного, с того, что больше всего волнует артиста: проблемы поиска собственного героя.

Может быть, кого-то это удивит. Как? Андрей Миронов, создавший на сцене, в кино и на эстраде так много прекрасных, запоминающихся образов, все еще ищет себя? Фигаро и Чацкий, Хлестаков и Жадов, Остап Бендер и Присыпкин, Всеволод Вишневский и Фридрих Энгельс, — можно только мечтать о таком многообразии. И все-таки...

— Я думаю, что нельзя бесконечно идти только по одной дорожке, проложенной прежними удачами, — считает А. Миронов. — И дело не только во мне как исполнителе. Но и в том стереотипе восприятия, который складывается у зрителя. Это как бы собирательный образ-маска, которую связывают с тем или иным актерским именем.

Меня все привыкли видеть таким бесечно радостным ловчаком. И этот штамп восприятия требует, чтобы я везде появлялся улыбающимся, пританцовывающим и с легкостью побеждал препятствия.

Но то, что было удачно найдено в двадцать пять лет, в сорок три уже неуместно. Так же, как выражать бесконечный восторг. Я не думаю, что эти мысли — от старения моей души. Однако с годами начинаю чувствовать потребность в ролях иного плана. Каких точно? Вряд ли нужно такое суммарное определение. Это решается в каждом конкретном случае.

— Не есть ли это возвращение к началу, когда вы, поминуты, мечтали играть в театре имени Е. Вахтангова, а, значит, в иной манере?..

— Я окончил театральное училище имени Б. Щукина. И, естественно, хотел попасть в «альма матер» — вахтанговский театр, но меня туда не приняли. Я благодарен судьбе, что она связала меня с Московским театром сатиры, с замечательным режиссером Валентином Плучеком. Благодаря его вере и «увиденному» им во мне родились многие образы. На первый взгляд, вовсе мне недоступные.

Что касается манеры игры, той или иной школы, то, помоему, сейчас они заметно снисвелированы. Конечно, нет четкого разграничения на театр «представления» и «переживания». Разумнее говорить о режиссерских почерках. А каждый творческий коллектив стремится к выразительной форме и глубокой

передаче сути происходящего.

Как актер я всегда исхожу из того, что человек соткан из противоречий и гораздо многообразнее, чем подразумевает деление на положительных и отрицательных героев. Думаю, что не только искусству, но и школе такое деление ни к чему.

— Ваше представление о сегодняшнем артисте?

— Он, в большей степени, чем когда бы то ни было, должен вносить в создаваемый образ свое мироощущение, свою эмоцию, свой нерв. Конечно, когда играю Чацкого, это, вовсе не значит, что я пытаюсь вообразить себя Чацким. Но тем не менее в нем очень многое от меня, про меня — человека 80-х годов и актера Миронова. Мне повезло, что довелось сыграть немало людей, до которых надо было дорастать. Повезло и в том смысле, что мои творческие интересы часто совпадали с тем материалом, над которым предстояло работать.

— А если это Гена Козлов из «Бриллиантовой руки», Дима Семицетов из «Берегись автомобиля» и прочая компания плутов, вралей и жуликов?

— Я говорил о высокой комедии и даже драме. Подобные же образы — это прекрасные эпизоды нашей профессии, когда ты имеешь воз-

можность дать волю фантазии, изобретательности и всем оттенкам смеха.

Хотя должен отметить, что в кино в этом смысле у меня все складывалось до сих пор беднее и однообразнее, чем в театре.

— Расскажите о своих последних киноработах. На экранах Йошкар-Олы только что прошла «Сказка странствий» с вашим Орландо...

— С новыми работами связаны мои попытки разрушить стереотип, найти сегодняшнего своего героя, о чем мы уже говорили. Они не всегда удаются. Не удовлетворен я, к примеру, тем же Орландо. Это фигура достаточно драматическая. А фильм в силу не совсем четкого возрастного «адреса», так и не нашел зрителя. В свою очередь, судя по письмам, многие остались не довольны мною в картине «Фантазии Фарятьева» — «они ждали от меня совсем другого».

Скоро выйдет на экраны фильм «Начальник опергруппы» по повести Юрия Германа «Ларин». В нем действие происходит в 20-е годы, годы становления ЧК. Я играю столичного писателя. Эта роль для меня важна. Другая интересная и не трафаретная, как мне кажется, роль в «Блондинке за углом». Мой герой — сначала молодой ученый, а потом грузчик

в магазине Николай Порываев.

Предстоит также премьера «Победы» по роману А. Чаковского. Здесь мне выпала возможность проследить путь американского журналиста от первых радужных надежд и жажды мира в освобожденном Берлине до горького разочарования сегодняшней политикой своего правительства.

— Чьи оценки в искусстве вы больше всего цените?

— Сколько ни философствуй о творческом процессе, суть нашей профессии — это диалог со зрителем, точнее — внутренние контакты, взаимопонимание. Я играю для вас — и это самое главное.

Особенно мне дорого признание молодежи. Знаю, как трудно добиться ее симпатий. Она очень чутка и отвергает все стареющее и неискреннее.

Сложно завоевать успех, но очень легко его потерять. Тут все зависит от твоего умения работать, самостоятельно мыслить.

— На концертах в Йошкар-Оле мы по достоинству оценили ваш талант импровизатора. Это творческое правило или потребность темперамента?

— Первой приходится слышать советы: вы так «тратитесь» на эстраде, надо же находить разумные компромиссы...

Что ж, с этим нельзя не согласиться. Тем более, если учесть, что актерский век не всегда долгод. Но есть и другая формула: профессионализм — это стеньга добросовестности. И ее я всегда придерживаюсь.

Не импровизировать просто невозможно. Представьте себе, я сыграл Фигаро вот уже в 420 спектаклях. И если б это все время было одно и то же? Стараясь увлечь зал, ты и себя увлекаешь, обновляешь ощущения. Так что поиск новых красок, импровизация в заданных рамках — это и правило, и внутренняя потребность.

— Андрей Александрович, напоследок несколько слов о вашей актерской династии.

— Мои детство и юность прошли в атмосфере творчества. В доме постоянно бывали люди искусства — драматурги, музыканты, писатели. Кроме того, родители — Мария Миронова и Александр Менакер — все время репетировали дома. И все-таки они никогда не мечтали, чтобы я пошел по их стопам.

Артистом балета, а сейчас балетмейстером, стал мой брат, Жена — Лариса Голубкина — тоже актриса. Но я все же думаю, что обе наши дочери выберут для себя эту профессию. Они сами должны все решить за себя.

Н. ЕФИМОВА.
Фото В. Асоченского.